

СТИХОТВОРЕНИЕ
«ПЕРЕХОД РУССКИХ ВОЙСК ЧЕРЕЗ НЕМАН
1 ЯНВАРЯ 1813 ГОДА» И ЕГО АВТОР
(История одной мистификации)

АЛЕКСЕЙ БАЛАКИН

В феврале 1830 г. в третьем номере «военно-литературного» журнала «Славянин», который издавал поэт и переводчик, бывший профессор Дерптского университета А. Ф. Воейков, было опубликовано стихотворение «Переход русских войск через Неман 1 января 1813 года» с подзаголовком «Отрывок из большого стихотворения» [Славянин 1830: 209–210]. Под ним стояла подпись: «Батюшков».

Этот текст неизменно вызывал затруднения у комментаторов. Начиная с Л. Н. Майкова, который обнаружил его и включил в подготовленное им полное собрание сочинений Батюшкова [Батюшков 1887: 154–155 (текст); 374 (примеч.)], все редакторы говорят о нем по сути одно и то же: дата создания неясна¹, автограф не сохранился, было ли стихотворение закончено, неизвестно. Иногда добавлялось, что сам Батюшков в форсировании Немана в 1813 г. участия не принимал.

Исследователи творчества Батюшкова неизменно выделяли «Переход русских войск через Неман», говоря о высоком патриотическом настрое этого стихотворения и его особенной поэтической манере, в которой различали элементы реализма.

«Переход через Неман» интересен своим патриотическим настроением, воодушевившим поэта, — читаем в академической истории русской литературы. — После Державина в русской лирике вновь возникает батальная тема и стремление

---

¹ «Относим этот отрывок к 1813 г. гадательно, в виду того события которое в нем описывается» — предполагал Л. Н. Майков [Батюшков 1887: 374].

воспеть военную мощь русского народа. Трактовка батальной темы у Батюшкова сильно отличается от господствовавших в тогдашней русской поэзии изображений 1812 г., нередко подменявших показ армии и боя изложением малозначительных раздумий поэта <...> или архаически стилизовавших материал. Даже Жуковский не нашел ничего поэтического в боевых средствах современной армии <...>. От этих недостатков частично освобождается Батюшков, сумевший правдиво показать русскую армию и поэтически изобразить орудия современного боя» [Верховский: 407].

Своему коллеге вторит Н. В. Фридман: «Переходом через Неман начался заграничный поход русской армии, и нет ничего удивительного в том, что это крупнейшее военно-политическое событие привлекло творческое внимание Батюшкова. В “отрывке”, может быть, интереснее всего начало, где правдиво отображены страшные “будни войны”: один из уцелевших солдат растаявшей наполеоновской армии смотрит на трупы, лежащие у покинутого бивуака»; далее, процитировав фрагмент первой строфы, исследователь продолжает: «Эти “мертвы ноги” — реалистическая деталь, подобную которой трудно найти в поэзии периода Отечественной войны. За вступлением, подчеркивающим деморализацию разгромленной французской армии, следует живая картина движения русских войск к Неману» [Фридман: 173–174].

И наконец, В. А. Кошелев, также цитируя первую строфу стихотворения, говорит об «ином понимании правдивости, ином уровне типизации» и о том, что «Батюшков <...> подчиняет свое бурное поэтическое воображение жизненной реальности» [Кошелев: 149].

В том, что «Переход русских войск через Неман» среди других произведений Батюшкова стоит особняком, нет ничего удивительного, хотя бы потому что Батюшков не является автором этого текста. Его настоящий автор — А. Ф. Воейков, осуществивший в 1830 г. мистификацию с публикацией «неизвестных стихов Батюшкова» в своем журнале — скорее всего, с целью привлечения подписчиков.

Но обо всем по порядку.

Весной 1816 г. Воейков задумал путешествие по южным губерниям России. Как писал Е. В. Петухов, Воейков «получил от Дерптского университета открытый рекомендательный лист ко всем губернаторам и архиереям, для оказания ему содействия “к обозрению все примечания достойного”; прося при этом совет университета, Воейков мотивировал необходимость такого путешествия тем, что хочет написать поэму о князе Владимире и поэтому нуждается в посещении тех мест, где действовал герой его будущей поэмы» [Петухов: 43]. Напомним, что за три года до этого Воейков в послании к Жуковскому призывал поэта написать героическую поэму о князе Владимире, а немного позднее на книге, предназначенной для работы над этим замыслом, оставил помпезное стихотворное посвящение, где уверял, что будущая поэма затмит сочинение самого Гомера². Есть свидетельство, что эту поездку для Воейкова устроил сам Жуковский — для того только, чтобы удалить его из Дерпта, подальше от семьи, для которой тот стал настоящим тираном³. У нас нет документов, чтобы подтвердить или опровергнуть это утверждение, но Жуковский действительно предпринимал усилия, чтоб путешествие все-таки состоялось, хотя ранее сам планировал совершить подобную поездку с той же целью⁴. 12 апреля 1816 г. он писал А. И. Тургеневу: «Воейков собрался ехать в Киев и в Крым. Он просит рекомендательных писем к архиепископам Киевскому, Черниговскому и Псковскому. Пришли их. Это путешествие, вероятно, мечта; но если оно сбудется, то эти письма могут быть

---

² Об этой неосуществленной поэме см.: [Ветшева 2006; Ветшева 2009]. Стихотворение Воейкова «Надпись на белой книге, которая определена Жуковским для эпической поэмы “Владимир”» впервые опубл.: [РА 1912: 414–415].

³ Об этом и о ситуации в семье Воейкова к началу 1816 г. см.: [Соловьев: 56–59].

⁴ «Мне бы хотелось в половине будущего года сделать путешествие в Киев и Крым, — сообщал он А. И. Тургеневу 4 августа 1815 г. — Это нужно для “Владимира”. Первые полгода я употребил бы на приготовление; а последние на путешествие» [Письма Жуковского: 151].

ему полезны. Ты должен их написать для его жены, которая с ним едет, и для меня. Не откажи в этом» [Письма Жуковского: 154]. И в следующем письме, без даты: «Радость моя, напиши к Евгению <в то время архиепископу Псковскому. — А. Б.>; напиши к Киевскому архиерею. Твои письма могут быть полезны жене Воейкова; он поедет в Крым, а она останется в Киеве и, может быть, ей нужным будет в чем-нибудь архипастырское пособие. Но *напиши тотчас* по получении письма моего и посылай прямо в Псков и Киев, ибо Воейков едет через четыре дня из Дерпта, и здесь твои письма его уже не застанут» [Там же: 155; ср. 157–158].

Отправившись в путешествие в середине весны, Воейков вернулся в Дерпт лишь в конце лета. Конечно, никаких материалов о князе Владимире он не собрал⁵ и никакой поэмы не написал (во всяком случае, свидетельств тому мы не имеем), но во время поездки задумал большое стихотворение, по сути, описательную поэму, в которой должны были бы отразиться впечатления от тех краев России, где он побывал. Точный маршрут поездки 1816 г. нам неизвестен, но, по всей видимости, он был таким: Псков, возможно Новгород, Киев, Екатеринослав, Одесса, Крым, возможно предгорья Кавказа. Ранее Воейков также немало путешествовал. «С 1802-го года каждое лето было мною посвящено на обозрение какой-нибудь отечественной области: то Казани и Нижнего-Новгорода, то Киева и Чернигова, то Воронежа, Харькова и Екатеринославля», — писал он в 1824 г. [НЛ 1824: 2]. В первой половине 1820-х гг. по материалам этих поездок он напишет и опубликует ряд путевых очерков.

Спустя некоторое время после возвращения Воейков отправил П. А. Вяземскому, с которым находился в переписке, первую редакцию задуманного в поездке стихотворения, оза-

⁵ Если не считать заметки «О найденных древних русских монетах. (Письмо к редактору)» [ВЕ 1816: 315–317], сообщающей о находке в Киеве монет эпохи князя Владимира.

главив его «Послание к друзьям и жене»⁶. В переработанном виде оно будет опубликовано в 1821 г. под заглавием «Послание к жене и друзьям» с датой «20 августа 1816»⁷ — очевидно, это время начала работы над ним. В последующие два года Воейков пишет все новые и новые фрагменты, которые посылает в письмах к друзьям⁸, и наконец в июле 1818 г. в «Вестнике Европы» публикует часть написанного как «Послание к моему другу-воспитаннику о пользе путешествия по Отечеству» [ВЕ 1818: 265–278].

Вскоре этот номер журнала дошел до П. А. Вяземского, находившегося в то время в Варшаве. Он внимательно и с интересом читает послание Воейкова, в котором находит уже известные для себя строки, и 27 июля 1818 г. пишет его автору большое письмо с подробным разбором прочитанного [РА 1892: 652–662]⁹. Вяземский высказывает как соображения общего

⁶ Список этого послания сохранился в Остафьевском архиве; опубл. О. А. Проскуриным в: [Арзамас: 323–332].

⁷ [СО: Ч. 67. № 4. С. 177–186]; поправки: [СО: Ч. 67. № 5. С. 240; Ч. 68. № 11. С. 196]. О полемике вокруг этого послания см.: [Пушкин в критике: 375–379, примеч. Г. Е. Потаповой].

⁸ Фрагменты из писем к П. А. Вяземскому опубликованы: [ОА: 1, 526; Поэты-сатирики: 315–316]; впоследствии некоторые в измененном виде вошли во вторую редакцию «Послания к И. В. Лопухину» (1818; первая редакция — 1807). Этот текст Воейков пытался опубликовать в «Славянине» в начале 1830 г., см. его письма цензорам — К. С. Сербиновичу от 15 февраля (РГИА. Ф. 1661. Ед. хр. 960. Л. 33) и П. И. Гаевскому от 19 февраля (ГПБ. Ф. 831. Ед. хр. 258. Л. 11); как свидетельствует помета адресата на последнем письме («Статья о Лопухине возвращена издателю 19 февр<ая> для пояснения об упоминаемых в оной документах»), сомнения цензуры вызвали примечания к посланию, где цитировались неопубликованные записки Лопухина, из-за чего оно так и не было напечатано (автограф: ИРЛИ. Ф. 31. Ед. хр. 4. Л. 1–3 об., 5 об.–6).

⁹ Подлинник: ИРЛИ. Ф. 31. Ед. хр. 45; копия этого письма сохранилась также в бумагах А. И. Тургенева (ИРЛИ. Ф. 309. Ед. хр. 1044). Краткую оценку послания Воейкова Вяземский дал также в письме к Тургеневу от начала февраля 1821 г. [ОА: 2, 156].

характера, так и замечания к конкретным стихам с мотивировками, что ему в них не нравится.

Воейков отнесся к претензиям Вяземского с чрезвычайным вниманием: почти все отмеченные им места он переработал¹⁰. До нас дошел автограф Воейкова, относящийся к этой переработке (ИРЛИ. Ф. 31. Ед. хр. 3); здесь он также набросал фрагменты, которые тематически близки к другим «стихам-травелогам» — уже упомянутому выше «Посланию к жене и друзьям» и посланию «К жене»¹¹. Опишем его подробнее.

Это одиночный лист во вторую долю (так называемый «полулист») вержированной бумаги с синеватым оттенком и водяным знаком «А. О. 1817»; заполнен только с одной стороны, оборот пустой. На нем записано семь стихотворных набросков, отделенных изогнутыми линиями с двумя точками (такими значками Воейков обычно обозначал конец стихотворения). Автограф беглый, с минимальными одновременными поправками. Судя по чернилам и характеру почерка, все фрагменты были написаны одновременно. Вот они по порядку.

Первый:

Блажен и ты, мой друг, друг мира и свободы;
 Обманутый людьми, в объятия природы
 Ты сердце чистое несёшь
 И миру отслужи, служить желаешь Богу,
 По дивной лестнице творений ты дорогу
 Верней к Творцу найдёшь.

Трудно сказать, к кому обращены эти строки. В названных выше текстах аналогий им не находится.

Второй фрагмент:

Далекие друзья! когда опять, когда
 Сберёмся в домик мой на берегу Пруда

¹⁰ Исправленная редакция под заглавием «К М. М. М. О пользе путешествия по отечеству» опубл.: [Славянин 1827: 450–462] (в оглавлении: «К Михайлову, о пользе путешествия по Отечеству»).

¹¹ [ВЕ 1818: 25–33] (подпись: «В-ъ»); впервые это стихотворение под заглавием «К Саше» и за подписью «-ъ» опубл.: [СН: 374–382].

Попить, поесть, поспорить с жаром?
Хозяйка милая вас ждёт за самоваром!

Это вариант следующего фрагмента из «Послания к жене и друзьям»:

Но так и быть! нам надобно опять
В Москве и на Прудах, друзья! попить.
<...>
Я здесь вас стану поджидать
На старом новоселье¹².

Третий фрагмент:

Жуковский развалясь на креслах чашки ждёт,
А перед ним [стоит] ему лишь видный чорт,
Пришел спросить с угрозой и сурово:
Зачем не помещён в его балладе новой?

Эти строки скорее всего предназначались также для «Послания к жене и друзьям»; тематически они соотносятся со следующим фрагментом послания «К жене»:

Вот с чашкою в руке и с новыми стихами
Ж<уковский> из угла пугает мертвецами:
Все в ужасе, никто не смеет идохнуть;
Бойся *Лилия* иглою шевельнуть,
И замерла рука у Женни на гитаре,
И чайник замолчал, стоя на самоваре... [ВЕ 1818: 27]

Четвертый фрагмент:

Я не завидую судьбе моей Сашеты:
Есть будет, у тебя обедая она
Пирог, салат, грибы, котлеты;
А я,
Я Руское письмо читая от Лилеты,
Так наслаждаюсь, как будто ем конфеты.

¹² [СО: Ч. 67. № 4. С. 185]; о пирушках ср. также в том же послании выше, с. 179. В доме Воейкова рядом с Новодевичьим монастырем («поддевическом доме») в 1801 г. собирались члены Дружеского литературного общества (см.: [Лотман: 650]). О более поздних «славных литературных вечерах и попойках» в доме Воейкова писал С. П. Жихарев [Жихарев: 192].

Здесь Сашета — несомненно, жена Воейкова Александра Андреевна, а Лилета — какая-то их дерптская знакомая по имени Лилия, упомянутая также в послании «К жене».

Пятый и шестой фрагменты использованы для замены соответствующих мест в «Послании к моему другу-воспитаннику...» и вошли в его новую редакцию без изменений. Строки «Здесь за оградой бездомные вдовицы, / Лишенные отцов и матерей девицы / В монастыре приют от бурь мирских нашли» заменили первоначальные «Здесь, здесь в монастыре вдовицы / И жены, и девицы / Приют от бурь мирских нашли», о которых Вяземский писал: «Повторенное “здесь” пахнет Херасковым, и оба стиха нашептаны тебе холодными устами его вялой тени» [РА 1892: 658]; строки же «И Нижний-Новгород картинный / С рекою пышною своей, / И Воскресенск, и Соловецк старинный» оказались по какой-то причине неудачными самому Воейкову и были заменены на: «И Свеабург картинный / С гранитной крепостью своей, / И новый Воскресенск, и Соловецк старинный»¹³.

Седьмой фрагмент должен быть хорошо известен всем исследователям и просто любителям поэзии Батюшкова:

Снегами погребен, угрюмый Неман спал!
 Равнину льдистых вод и берег опустелый,
 И на берегу покинутые селы
 Туманный месяц озарял.
 Всё пусто! коё-где на [тру] снеге труп чернеет,

¹³ Первоначально последняя строка читалась: «И Нижний Новгород, и Соловецк старинный», но затем была исправлена. Эта редакция послания была создана не позднее 1824 г.; в начале очерка «Путешествие из Сарепты на развалины Шери-Сарая, бывшей столицы ханов Золотой Орды» [НЛ 1824] (дата под текстом: 20 июня 1824) Воейков цитирует один из его фрагментов (24 стиха) уже в исправленном виде. Другой фрагмент послания (11 стихов) ранее был процитирован им в очерке «Описание Сарепты» [СА: 48] (дата под текстом: 30 августа 1813); один стих из этого фрагмента уже исправлен согласно указанию Вяземского, но два других соответствуют публикации «Вестника Европы», хотя в редакции «Славянина» читаются по-иному.

И брошенных костров огонь дымяся тлеет,
 И хладный как мертвец
 Один среди дороги,
 Сидит задумчивый беглец,
 Недвижим, смутный взор вперив на мертвы ноги!

# #

И всюду тишина! и се в пустой дали
 Сгущенных копий лес возникнул из земли!
 Он движется! гремят щиты, мечи и брони,
 И грозно в сумраке ночном
 Чернеют знамена, и ратники, и кони!
 Несут полки Славян погибель за врагом!
 Достигли Немана — и копыя водрузили!
 Из снега возросли бесчисленны шатры!
 И на берегу зажженные костры
 Все небо заревом багровым обложили!
 И в стане Царь молодой
 Сидел между вождями;
 И Старец-вождь пред ним, блестящий сединами
 И бранной в старости красой.

Следует отметить две вещи.

Во-первых, строфы разделены чрезвычайно характерным для Воейкова значком (# #)¹⁴; во-вторых, непонятно, почему Воейков, имея чистый оборот, записал последние девять строк на полях, вплотную к неровному краю листа. Можно лишь предположить, что он считал его если не завершенным, то по-своему цельным, и не собирался продолжать. Но запоминающийся образ французского солдата, смотрящего на обмороженные и пораженные гангреной ноги, не остался в черновиках. Рачительный Воейков использовал его в третьей песне поэмы «Искусства и науки», законченной, судя по дате на ее копии, 27 мая 1819 г. (ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Ед. хр. 499. Л. 41 об.). В этой песне рассказывается о развитии военного искусства и, в частности, о самых знаменитых победах русских войск. И несчастный солдат появляется в ней как раз при описании

¹⁴ Таким же значком разделены строфы в известных на автографах «Дома сумасшедших»: 1) РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1186. Л. 1–6; 2) Там же. Л. 7–12 об.; 3) РНБ. Ф. 151. Ед. хр. 4. Л. 1–57.

отступления Наполеона через Неман; там же возникают и молодой царь со старцем-вождем:

Костями и бронями усеяны поля,
 Золою черною подернулась земля
 И Неман кровию слился с Москвой-рекою.
 Здесь воин в рубище, весь изможден нуждою,
 Остаток бытия ужасного влечет;
 Друзей и недругов дать смерть ему зовет;
 Там свежий юноша, недвижимый у дороги
 Сидит, унылый взор вперя на мертвы ноги.
 Тут мясо конское на пищу войны рвут,
 А там в беспамятстве они друг друга жрут.
 Здесь к дереву прислонясь с оружием часовые,
 Осанкой грозные, стоят как бы живые,
 И очи их глядят, но жизнь слетела с вежд.
 Там трупы черные от дыма, без одежд,
 В снегу, лишенные и чести погребенья;
 И друг и брат забыт, нет в храбрости спасенья...
 Все в прах! Враги спешат нестройною толпой;
 И гибель ловит их нещадною рукой,
 И погоняет страх карающая мести.
 Равно к своим, к чужим, без жалости, без чести,
 Враг человечества и враг столиц бежит:
 Он сеял бедствия — и пожинает стыд!
 И се наш Александр, со старцем в колеснице,
 С венцами на главах, с перунами в деснице,
 Указывают путь за Неман знаменам¹⁵.

Закончив заполнять упомянутый лист, Воейков надписал на самом верхнем краю «Архив. 1» и отложил, чтобы вернуться к нему через несколько лет.

В 1820 г. началась карьера Воейкова-журналиста. Два года он с Н. И. Гречем издавал журнал «Сын Отечества», отвечая за его литературную часть; с 1822 г. — газету «Русский инвалид» и приложение к ней — журнал «Новости литературы». В 1827 г. этот журнал прекратился, и со следующего года Во-

¹⁵ Военное искусство: Из III-й песни поэмы «Искусства и Науки». (Посвящено Генералу Ермолову) [НЛ 1822: 78; подпись: «В-въ»].

ейков предпринял издание военно-литературного журнала «Славянин». Если в начале 1820-х Воейков не испытывал недостатка в поэтическом материале, то с каждым годом репутация его падала, прежние друзья прекращали с ним отношения, а со смертью жены, случившейся в 1829 г., он почти совершенно порвал с прежним литературным кругом. Поэтический отдел «Славянина» с каждым годом становился все бледней и бледней, а его редактор вынужден был довольствоваться лишь случайными подачками прежних друзей или обильными подношениями литераторов второго и третьего ряда. Но кроме литературных новинок, Воейков активно печатает и старые опусы, как уже публиковавшиеся ранее и извлеченные им из старых журналов, так и не опубликованные. Перепечатывает он и свои стихи, причем зачастую без полной подписи — меняя заглавия и проводя мелкую косметическую правку. В поисках нового материала он обращается к своему архиву и среди прочего извлекает оттуда упомянутый листок.

Разумеется, черновые наброски не годились для печати, и Воейков попытался придать им законченный вид, делая это уже карандашом в два этапа.

Сначала он проводит небольшую стилистическую правку, заменяя, в частности, в третьем фрагменте «Жуковского» на «Балладина» (это может служить дополнительным аргументом, что текст готовился к публикации); в интересующем нас седьмом фрагменте «Недвижим, смутный взор вперив на мертвы ноги» меняется на «Недвижный взор вперив на мерзнущие ноги!», а «И всюду тишина... И се, в пустой дали» на «И всюду тишина! и вот в пустой дали». Эта правка делалась почти без нажима, сейчас она еле видна и скорее угадывается, чем уверенно читается.

Позднее другим карандашом он дважды зачеркивает запись «Архив. 1», кривой линией перечеркивает пятый и шестой фрагменты, использованные во второй редакции «Послания к моему другу-воспитаннику...», к тому времени уже опубликованной, а остальные озаглавливает. Первый получает заголовок «Другу <нрзб>у», объединенные второй и третий — «Приглашение?», четвертый — «Письмо Лилеты», интере-

сующий нас седьмой — «Неконченное стихотворение». Также в нем три решетки меняются на звездочку, в конце появляется строка точек, а после 15-й и в начале 16-й строки ставятся знаки «равно» — это указание для переписчика, что фрагмент на полях продолжает текст на нижнем краю листа. Карандашную правку в тексте переписчик не заметил, и в печати этот текст появился в своем первоначальном виде, открывая стихотворный раздел третьего номера журнала «Славянин» за 1830-й г., где был приписан Батюшкову.

Эта авантюра удалась Воейкову не сразу. В первой половине января он послал цензору «Славянина» К. С. Сербиновичу какие-то стихотворения Жуковского (нам не удалось установить, какие именно) и «Переход русских войск через Неман». Осторожный Сербинович не рискнул пропустить их в печать, решив спросить дозволения у Жуковского как у автора и как у фактического душеприказчика больного Батюшкова. Как свидетельствует запись в его дневнике, 14 января он «был у В. А. Жуковского; показал ему его стихи, кои хотел было напечатать у себя Воейков» [ЛН: 258], и, без сомнения, получил отказ¹⁶, о чем письменно сообщил Воейкову. Взбешенный Во-

¹⁶ Едва ли среди этих стихотворений было послание «Василию Алексеевичу Перовскому» («Товарищ! Вот тебе рука...»), помещенное без подписи и под заглавием «К П***» в начале стихотворного раздела первого номера «Славянина» за 1830 г. Этот номер выйдет в свет спустя три дня после упомянутого визита, 17 января (см.: [РИ: № 15. 17 янв.]; здесь в анонсе авторство Жуковского раскрыто): даже если Воейкову и удалось бы уладить дело, едва ли он мог бы отпечатать книжку за столь короткий срок. К тому же это послание ранее было опубликовано в «Московском телеграфе» (1827. Ч. 14. № 7; под заглавием: «Послание к ...», также без подписи), и простая перепечатка не могла вызвать законных возражений; ср. в письме Воейкова к П. И. Гаевскому от 8 апреля 1831 г.: «Четверостишие В. А. Жуковского, одобренное вами к напечатанию в Литературных Прибавлениях, было напечатано в № 1 Журнала Иностранной Словесности и Изящных Искусств 1831-го года, издаваемого г. Платоном Волковым, а потому я имею полное право, в силу устава о цензуре, перепечатать оное. Этот случай не подходит под запрещение.

ейков отвечал ему 18 января: «Позвольте мне заметить Вам не с досадою, не с претензиями, а просто: не пропускать стихов Ж<уковского> Вы могли, а передавать их ему не надлежало. Это значит желать подслужиться и нас поссорить. Вы бы просто отослали их ко мне обратно — и концы в воду. А переход через Неман я возьму. Ж<уковский> не в праве располагать им. Не сердитесь за правду!»¹⁷. Судя по всему, Сербиновичу все же удалось охладить пыл Воейкова, потому что в следующем письме, от 21 января, его тон уже значительно более сдержан: «В ответ на Ваше письмо о стихотворениях Жуковского, скажу Вам, что если б я не надеялся на Ваше снисхождение ко мне: то не изложил бы Вам столь смело и даже несколько грубо своих мыслей о сем деле... но пора кончить. Кто старое помянет, тому глаз вон. Прошу не лишать меня Ваших советов, как литератор, доверенности как цензор и приязни, как человек» (РГИА. Ф. 1661. Ед. хр. 960. Л. 31).

Вскоре после этого случая Сербинович фактически перестает исполнять обязанности цензора, хотя числится им вплоть до 5 июля 1830 г.¹⁸, и цензором «Славянина» становится П. И. Гаевский. На этот раз Воейков проявляет осторожность, посылая ему «Переход русских войск через Неман» без

Жуковский не хочет, чтобы помещались в журналах те его сочинения, кои находятся в рукописи и кои, будучи написаны по особым каким-либо обстоятельствам, не должны быть публичны» [Отчет: 81; паг. 2-я]. Упомянутое в письме четверостишие Жуковского — «О милых спутниках, которые наш свет...» (первые опубли.: Московский телеграф. 1827. Ч. 15. № 9), позднее печатавшееся под заглавием «Воспоминание»; публикации в «Журнале иностранной словесности и изящных искусств» и «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» (дающие несколько иную, чем в других источниках, редакцию стихотворения) в комментированных изданиях Жуковского не учтены.

¹⁷ ИРЛИ. Ф. 93. Оп. 3. Ед. хр. 226 (хранится как письмо Воейкова не установленному лицу без даты).

¹⁸ См.: [Замков: 65; ЛН: 259; Цензоры: 389].

указания имени автора, 28 января получает одобрение¹⁹, и 13 февраля книжка журнала с этим стихотворением начинает раздаваться подписчикам²⁰.

Современники никак не отреагировали на публикацию этого стихотворения. Ни в газетах и журналах, ни в дневниках и переписке того времени никому не удалось найти никаких упоминаний о нем — ожидаемого Воейковым резонанса не получилось. Характерно и то, что «Переход русских войск через Неман» не был включен в итоговое собрание сочинений Батюшкова 1834 г.

Кстати, ранее Воейков два раза выступал как публикатор стихов Батюшкова — и обе эти публикации сопровождались скандалами. В 1820 г. в «Сыне Отечества» он напечатал записанное со слуха стихотворение «Надпись для гробницы Малышевой» — под произвольным заглавием и с неправильным делением на строки, что вызвало помещенную в следующем номере журнала гневную отповедь Д. Н. Блудова, который и привез эти стихи Батюшкова из Италии. А еще в следующем номере был напечатан ответ Воейкова; защищая себя и называя погрешности публикации совсем незначительными и даже улучшающими стихотворение, он не стеснялся в выражениях в адрес своего оппонента²¹. Через два года уже в «Новостях литературы» и почти одновременно во втором издании «Соб-

---

¹⁹ В «Реестре статьям, одобренным цензором Гаевским с 28 января по 4 февраля 1830» значится предназначенное для «Славянина» стихотворение «На переход Русских войск чрез Неман 1 янв. 1813 г. 1 л.», одобренное 28 января (РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Ед. хр. 1011. Л. 7).

²⁰ Объявление о выходе см.: [РИ: № 42. 13 февр. С. 167]. Цензурное разрешение на обложке (1 февраля) подписано Сербиновичем, но нет сомнения, что цензуровал этот номер не только он, потому что в упомянутом выше «Реестре статьям, одобренным цензором Гаевским...» значится еще несколько материалов из третьей книжки «Славянина»: басня А. Е. Измайлова «Гордюшка книгопродавец» и четыре прозаических миниатюры И. Д. Пальмина («Зависть», «Фарфор», «Память людей» и «Разнообразие суждений»).

²¹ Подробнее об этом инциденте см.: [Греч: 643–647; Батюшков 1934: 544–548, примеч. Д. Д. Благого].

рания образцовых русских сочинений в стихах», которое также издавал Воейков) появилось батюшковское послание князю П. И. Шаликову, который и доставил его издателю, сопроводив простодушным примечанием. На этот раз за Батюшкова вступился Вяземский, писавший Тургеневу 9 января 1823 г.: «Опять напечатаны стихи Батюшкова <...> Ну, как они попадутся ему? Что за неуважение такое и варварское насилие? Известно, что Батюшков ничего ни писать, ни печатать не хочет, а его насильно тащут. <...> Сделай милость, пожури Воейкова и возьми с него слово, чтобы он вперед ничего не печатал Батюшкова; а не то, право, придется изобличить этот литературный разбой» [ОА: 2, 296–297].

Нам неизвестно, исполнил ли Тургенев просьбу Вяземского. Скорее всего, исполнил: хотя в распоряжении Воейкова и были ненапечатанные стихи впавшего в безумие поэта²², новых публикаций не последовало. Однако спустя семь лет уже оставленный всеми прежними приятелями по жизни и союзниками в литературе Воейков все же нашел способ украсить именем Батюшкова свой угасающий журнал.

ЛИТЕРАТУРА

- Арзамас: «Арзамас»: В 2 кн. М., 1994. Кн. 2.
Батюшков 1887: *Батюшков К. Н.* Сочинения: В 3 т. СПб., 1887. Т. I.
Батюшков 1934: *Батюшков К. Н.* Сочинения. М.; Л., 1934.
Вацуро: *Вацуро В. Э.* Литературные альбомы в собрании Пушкинского Дома (1750–1840-е годы) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979.
ВЕ 1816: Вестник Европы. 1816. Ч. 87. № 12.
ВЕ 1818: Вестник Европы. 1818. Ч. 99. № 9.
Верховский: *Верховский Н. П.* Батюшков // История русской литературы. М.; Л., 1941. Т. V.
Ветшева 2006: *Ветшева Н. Ж.* Планы и конспекты волшебного-исторической поэмы В. А. Жуковского «Владимир» (публикация и

---

²² В одном из альбомов А. А. Воейковой находятся списки стихотворений «Есть наслаждение и в дикости лесов...» и «Ты знаешь, что изрек...» (см.: [Вацуро: 26]).

- комментарий) // Вестник Томского гос. ун-та. 2006. № 291. Июнь. Сер. «Филология».
- Ветшева 2009: *Ветшева Н. Ж.* <Примечания> // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2009. Т. IV.
- Греч: *Греч Н. И.* Записки о моей жизни. М.; Л., 1930.
- Жихарев: *Жихарев С. П.* Записки современника. М.; Л., 1955.
- Замков: *Замков Н. К.* О черновом письме Пушкина к «неизвестному сановнику» (1830 г.) // Пушкин и его современники. Пг., 1918. Вып. 29–30.
- Кошелев: *Кошелев В. А.* Константин Батюшков: Странствия и страсти. М., 1987.
- ЛН: Литературное наследство. М., 1952. Т. 58.
- Лотман: *Лотман Ю. М.* Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени // Лотман Ю. М. Карамзин. СПб., 1997.
- НЛ 1822: Новости литературы. 1822. № 5.
- НЛ 1824: Новости литературы. 1824. Кн. 9. Июль.
- ОА: Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899.
- Отчет: Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1892 год. СПб., 1895.
- Петухов: *Петухов Е. В.* Кафедра русского языка и словесности в Юрьевском (Дерптском) университете. Юрьев, 1900.
- Письма Жуковского: Письма В. А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. М., 1895.
- Пушкин в критике: Пушкин в прижизненной критике. 1820–1827. Изд. 2-е. СПб., 2001.
- РА 1892: Русский архив. 1892. № 12.
- РА 1912: Русский архив. 1912. № 3.
- РИ: Русский инвалид. 1830.
- СА: Северный архив. 1822. Ч. 1. №1.
- Славянин 1827: Славянин. 1827. № 38.
- Славянин 1830: Славянин. 1830. Ч. 13. № III.
- СН: Северный наблюдатель. 1817. Ч. 2. № 26.
- СО: Сын Отечества. 1821.
- Соловьев: *Соловьев Н. В.* История одной жизни: А. А. Воейкова — «Светлана». Пг., 1915. [Ч. 1].
- Фридман: *Фридман Н. В.* Поэзия Батюшкова. М., 1971.
- Цензоры: *Гринченко Н. А., Патрушева Н. Г., Фут И. П.* Цензоры Санкт-Петербурга (1804–1917): Аннотированный список // Новое литературное обозрение. 2004. № 5 (69).